

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ИМЕНА МАГНИТКИ | К 90-летию со дня рождения Владимира Петровича Баканова

Река нашей жизни

Публикацию подготовил
ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ

Владимир Петрович Баканов, известный писатель-краевед, из племени советских людей, которых не нужно учить патриотизму.

Его трудовая биография была прервана Великой Отечественной войной. Суровые университеты прошёл 18-летний юноша. С осени 1942 года и до конца 1944 года он участвовал в сражениях на 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах. Ратный путь молодого воина-танкиста Баканова отмечен боевыми орденами Отечественной войны, Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

После ранения из госпиталя Владимир приехал в Магнитогорск. Пропахшую порохом гимнастерку он сменил на мундир офицера милиции.

Выйдя в отставку по выслуге лет, Владимир Петрович занялся исследовательской деятельностью. Им было написано и издано семь книг об истории родного края и оренбургского казачества, более ста публикаций в научных сборниках и периодической печати.

До своей кончины он работал над автобиографической повестью «Река нашей жизни», с отрывками из которой мы сегодня знакомим читателей.

День окончания «моей» войны

Оборона проходила по западному берегу реки Писса. Только к вечеру, используя успех соседской дивизии, мы подступили к городу Пиллюпенен. Помнится, в городе мы зашли в дом на окраине, невысокий, аккуратный, побеленный в розовых тонах. По двору стре-

пелетчиков, словно семечки из подсолнуха.

С обеда немцы предприняли несколько контратак, выдвинув вперед танки, бомбили с воздуха. Наши танки ушли вперед, а противник набросился на приотставшую пехоту. К счастью, подоспели танки, и пехота снова двинулась в атаку. Немец, отгрызаясь, отступал. Наши самоходки остановились в низине. Впереди местность, откуда только что выбили врага.

Близился вечер, мы готовились ужинать. Кухня, конечно, не появлялась. Кто-то из ребят принёс связку копчёных колбас. Колбаса была вкусной, но без хлеба – приторно-жирная. Мой заряжающий вспомнил о муке, постном масле и сковороде.

Развели костерок, на кирпичи поставили сковородку и стали печь лепешки. Возле огня собрались четыре экипажа. Мы с напарником сели на бревно, остальные вокруг нас, свернули самокрутки.

Сидим, попыхиваем дымком, на сковородке лепешка шкворчит. Вдруг метрах в ста, ниже нас, взорвалась мина. Следом «лопнула» вторая – ближе. Мы насторожились, но почему-то растерялись: нам бы рассредоточиться и пригасить костёр, от которого дым столбом. Очередная мина разметала костёр и всех осыпала осколками. Я почувствовал сильный удар по нижней челюсти и побежал к машине, но и возле нее взметнула столб земли. Тогда, падая при близких разрывах, метнулся к фольфарку правее. Там разместились штаб дивизиона и санитары.

Сначала боль не чувствовалась, потом стала нестерпимой, пронизывала всю челюсть и голову. Рот заполнился осколками кости, крошками зубов, которые я не мог вытолкнуть израненным языком. Стало страшно: «Как жить? Ни поест, ни попить». Рука потянулась к револьверу, но кто-то выбил его из рук...

Меня наскоро перевязали, посадили на самоходку, в которой находилось еще трое раненых – кто в ноги, кто в живот: видимо, они стояли в момент разрыва мины. Не знаю, были ли убитые...

Ранения бывают разными

В медсанбате с меня сняли пропитанную кровью повязку, и врач, орудия зубными шпильками и ножницами, освободил полость рта от костей и сгустков крови без замораживания. Потом сделал обезболивающий укол, что дало мне возможность какое-то время поспать. В последующие дни все мое существо заполнила сплошная боль. Я не мог лежать, сидеть, стоять. Казалось, челюсть висела пудовой гирей. Кушать я тоже не мог.

Через три дня самолет ПЕ-2 унес нас, нескольких раненых, в госпиталь города Каунаса. Госпиталь – то ли школа, то ли монастырь – был ранеными до отказа. Здесь мне влили

500 кубиков донорской крови и сделали операцию: еще раз почистили полость рта и разрежали подбородок возле горла, откуда извлекли целую столовую ложку костных и металлических осколков. Мне их даже показали. При удалении одного из осколков меня пронзила внезапная и острая боль в теменной части головы: будто под подбородком рывком потянули нить, привязанную к черепной коробке. Десять дней маялся этой болью, при-

Его ратный путь отмечен боевыми наградами

тупляемой только обезболивающими уколами. Не помню, на какой день меня покормили жидкой манной кашей из фарфорового чайника через надетую на его носок резиновую трубку. Кровь всё время сочилась, и я глотал её вместе с кашей. Лежать я мог только лицом вниз, подкладывая под лоб и грудь что-то плотное, чтобы челюсть была свободной.

Мне запомнилось каунасское кладбище, размещённое у госпиталя. Меня тогда первый раз вывели из палаты на свежий воздух. Сестра повела по тропинке между могилами, украшенными скульптурными памятниками и изящной резьбой надгробий. Она что-то рассказывала об этом старинном захоронении, а я запомнил только надгробья, склепы и свечку, удивившую тем, что она стояла в небольшой застекленной нише и горела. Еле ворочая языком, наивно спрашиваю сестру:

– Какое же оно старое, если свеча горит?

– Такой обычай! – отвечает она. – Так литовцы чтят память предков, пока жив хоть один родственник покойного – свеча будет гореть. Не каждый день, конечно, в день поминовения...

Сестра говорила на ломаном русском языке. Очевидно, она была литовкой, поскольку в ее словах и интонации чувствовалась национальная гордость.

Боже мой, как мы скудны на память! Поэтому не знаем своего рода-племени дальше третьего колена...

Вскоре меня снова погрузили в самолет и отправили в Москву. На этот раз госпиталь размещался у Новодевичьего монастыря. Из этого периода госпитальной жизни запомнилась чистка челюстной кости. Врач раскрыл рану и стал обкусывать острые края на изломах. Он орудовал клещами, кость под ними хрустела, и ее хруст отдавался не только в голове, но и по всему скелету тупыми ударами. Рот мне «зашили», связав медной проволокой зубы нижней и верхней челюстей. Единственным отверстием для еды оставалась рана на месте вырванного куска челюсти, через которую болезненно проталкивалась трубка, надетая на сосок чайника.

Скоро с моих зубов сняли проволоку. Атрофированные мышцы едва раскрыли рот на 3–5 миллиметров. Год потребо-

вался, чтобы рот раскрывался на палец. И всё же пришла радость выздоровления. Путь к выздоровлению – самая прекрасная госпитальная пора: можно гулять, смотреть кинофильмы, разговаривать, а не мычать.

В нашей палате на восемнадцать койках – люди самых разных возрастов, от юнцов до дедов. Рядом лежали два капитана, каждый со своим военным счастьем, примерно одного возраста, за сорок лет, оба комбаты. Один ранен первый раз, полна грудь орденов и медалей, у другого – восемь нашивок за тяжёлые ранения и две – за лёгкие. С нами он валился одиннадцатый раз, на груди – ни одной медали. Он жаловался:

– Только доберусь до части – в первом же бою снова ранение. Другим – орден, а мне – то пуля, то осколок. Я их собираю, после войны просверлю дырочки, повешу на ленточки, буду носить вместо орденов.

– Радуйся, что живым остался! – успокаивал его пожилой сосед в звании старшего лейтенанта. – Ордена и медали – вещь почетная, но отец и мать не им будут радоваться, тому, что сын вернулся живым. Твои награды – одиннадцать ран и жизнь. Они почетнее всего...

К службе ограниченно годен...

20 января 1945 года со справкой о ранении я вышел из госпиталя с направлением в резервный офицерский батальон бронетанковых войск. Батальон собрал в своих рядах бывших танкистов, выписываемых из госпиталей. Он предоставлял им двухъярусные нары и соломенные матрасы. В обиходе батальон именовали «мотокопальным».

Однажды по батальону разнесся слух: вербовщики приехали из НКВД! Действительно, последовала команда всем собраться у кабинета комбата и ждать вызова.

Выходит первый, недовольный, хмурый.

– Куда? Как? – сыплются вопросы.

Он отмахивается: – Сам узнаете!

Мы понимаем: приказали не говорить. Беседуют трое, все – старшие офицеры во главе с полковником. Приглашают и меня.

Просторная, как большой класс, комната. У стены длинный стол без скатерти, за которым сотрудники НКВД. Начальник штаба читает мою карточку: «Гвардии лейтенант Баканов – командир самоходно-артиллерийской установки САУ – 76, 36-го отдельного дивизиона, 31-й гвардейской дивизии, 11-й гвардейской армии. Ограниченно годен после тяжелого ранения».

Все смотрят на меня, оценивая. Потом полковник произносит с интонацией сочувствия в голосе:

– Сынок, отвоевался?

– Я бы мог еще повоевать! – отвечаю с задором, уверенно.

– Фронт обойдется без тебя: нам боевые офицеры нужны. Мы открываем лагерь для военнопленных... Ты в какой город хотел бы поехать?

Отвечаю, не задумываясь:

– В Оренбург, домой!

– К сожалению, в Оренбурге лагеря еще нет, а вот рядом, в Магнитогорске, открывается. Поедешь в Магнитогорск?

Покопавшись в памяти, я ничего не вспомнил о Магнитогорске, даже не знал, где он находится. Мои детские годы прошли мимо громкой славы города, а в годы зрелого сознания ничего не отложилось.

– Хотелось бы поближе! – неуверенно произношу я.

Один из офицеров подошел к карте, отыскал города.

– Смотрите, вот Оренбург, здесь Магнитогорск! Они рядом.

Действительно, оба города были рядом, не больше сантиметра друг от друга. Оценивая расстояние между ними, я совершенно забыл, что карта-то крупномасштабная. На ней сантиметр – не меньше сотен километров. Я еще колебался, когда полковник уверенно произнес:

– Будем считать вопрос решенным. Завтра поезжай в Магнитогорск, попутно заедешь домой. Дадим тебе десять дней отпуска.

Это решение окончательно убедило меня в необходимости принять предложение как единственно правильное...

Сердца моего боль

В начале февраля 1945 года родители встречали у ворот неожиданного гостя. Мой приезд был сюрпризом для домашних.

За дни отпуска удалось побывать у матери Михаила Иванова. Мы с ним учились в одной школе, призывались в один день, стогорел он в самоходке в одном из первых боев.

Лучше бы к родным Миши не ходить: утешить мать ничем не мог, только добавил боли. Обливаясь слезами, она причитала:

– Нет больше моего Мишеньки, нет моего соколика! Ты вернулся, а он сложил головушку на чужбине! Вы, друзья, не сумели или не захотели защитить его!

Она еще долго плакала, и я поспешил покинуть ее дом с чувством неясной вины перед горем матери. Сколько их, матерей, отдавших своих детей войне!..

Известие о конце войны мы получили рано утром на службе по охране и конвоированию военнопленных. Радость не передать. А пленные встретили нашу Победу молчанием.

Кто знает, что творилось в их душах: мы им в глаза не заглядывали. На фронте было проще радоваться победными салютами. У нас же – табельное оружие, и за каждый патрон мы отчитывались... ☹

Минута молчания

Все меньше нас на праздничном застолье,
Все больше лет у
Дня Победы...

Что-либо сделать с этим
мы невольны:
Такие тайны нам неведомы.
У нас уже ни прутья,
ни стая,

Но на минуту скорбную
нам хватит силы встать!

Он написал и издал семь книг об истории родного края